

ИЗ ЦИКЛА «СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ,
СЛУЧАЙНЫЕ ЗНАКОМСТВА»

Фото: Boston Public Library /
L. Prang & Co / www.flickr.com

Так судьба стучится в дверь!

Окончание.
Начало в № 10 / 2020

▼ Пасквалатихаус, в котором
на протяжении девяти лет жил Бетховен

Фото: Welleschik / Wikimedia

Часы на городской ратуше пробили полночь. Пора было идти домой. Ничто не нарушало мою умиротворенность в блаженных размышлениях – только ветерок задул чуть сильнее, да редкие машины за оградой неслись, пользуясь свободой дорог. Время будто замерло в общей мысли, объединив прошлое, настоящее и будущее с ощущением, что тобой владеет истина. Окна на четвертом этаже скрылись в темноте, сохранив невидимые нити, которые всегда остаются между родственными душами. Обмякшие ноги обрадовались, когда я встал со скамьи и побрел в сторону стоянки такси. Справа от меня открывалось красивое здание университета, где, кстати, молодой Бетховен, как и в Бонне, посещал лекции по философии. Надо полагать, что эти знания подпитывали широту его взглядов и природную вдумчивость. Перейдя дорогу, я бросил взгляд на последний этаж Пасквалатихауса – интересно, суждено

ли нам встретиться вновь? На ум пришел Чайльд Гарольд: «Прощай, и если навсегда – то навсегда прощай!»

Мне расхотелось брать машину, и я прошел мимо длинного ряда такси, тоскливо ожидавших пассажиров. Идти до дома было минут сорок – сорок пять. Показалось, что для разбуженных чувств этого будет мало, поэтому я выбрал не самый короткий путь и шел не спеша, наслаждаясь ночной прохладой. Меня сопровождал не только клубок сегодняшних мыслей, но и незримый образ, который все это время был рядом, образ того, кто первым открыл мне врата в бетховенский мир.

Я был подростком, когда отец, уловив момент, предложил, а скорее, по-дружески заставил меня прослушать вместе с ним «Эгмонта», назвав его увертюрой. Я понятия не имел, что это такое, но согласился без сопротивления, поскольку собирался попросить у папы денег на свою первую гитару, чтобы научиться играть на ней рок-музыку. В его кабинете всегда был наготове проигрыватель с какой-нибудь пластинкой – достаточно было нажать на пусковую кнопку и подвести иглу к диску. Как только начала звучать музыка, отец стал подпевать, затем восторженно комментировать чуть ли не каждый звучавший мотив, пытаясь привлечь меня к предмету своего обожания. Он вдохновлялся с каждым тактом, местами дирижировал и восклицал: «Такое мог сочинить только истинный гений!» (Впрочем, так он говорил обо всех произведениях Бетховена.) Мне оставалось тихо сидеть, ожидая, когда все это закончится и я смогу выбежать во двор к друзьям. Почему-то отец был уверен, что ему удалось заронить в мою душу любовь к серьезной музыке, иначе он не предложил бы сразу по окончании заново послушать увертюру. На самом деле, для моего еще диковатого уха все, кроме одного напева, звучало мрачно.

Нет, в семье я был приобщен к классике, узнавал на слух популярные отрывки из Моцарта, Вивальди, Россини, начало первого фортепианного концерта Чайковского, реже – из Баха, Верди. Если звучало «Болеро», я с опережением мог насвистеть его, но вот запоминать фамилию автора, Равель, тем более имя, Морис, не входило в мои задачи. Так или иначе, в глубине души я на веру отдавал должное классической музыке, пока она не стала для меня – не религиозного человека – сакральной.

От повторного прослушивания я отвернулся, сославшись на подготовку к экзаменам у товарища дома. Отец не стал удерживать, взяв с меня обещание на неделе вместе послушать **Пятую симфонию**. Напоследок добавил: «Я хочу, чтобы ты знал: Бетховен – это мой ангел-хранитель». Слова прозвучали тихо, с расчетом на понимание, словно мне доверили большую тайну. Удивило словосочетание «ангел-хранитель» из уст моего отца. В кругу нашей семьи я никогда не слышал религиозную лексику. Мои родители, как и большинство советских людей, смотрели на религию как на пережиток прошлого, что не мешало им со всем уважением относиться к ее истории и к тем, кто в ней нуждался. Этому учили и нас, детей. У «ангела-хранителя» оказалась совсем не религиозная история. Хорошо, что отец рассказал мне ее перед прослушиванием Пятой симфонии, а не после. В противном случае я вряд ли смог бы досидеть и дослушать этот бурлящий поток звуков до конца.

Я был удивлен, узнав о злключениях папы в молодости, напоминавших мне сцены из фильмов о войне. Бывают истории, которые кажутся неправдоподобными только оттого, что в них участвуют знакомые тебе люди, а тут – родной отец. Чем дольше я слушал его, тем больше росло любопытство к событиям того периода. Никуда не хотелось идти,

я отменил все встречи и не подходил к гитаре. В этот вечер отец открылся мне по-новому. Прежде я не замечал в нем военную удалость солдата, пережившего ранения. Только годами позже понял, что его восторженное восприятие жизни и легкость в общении, которые ценили все, кто знал моего отца, прикрывали тяжелый груз воспоминаний о войне.

В продолжение темы папа включил мне Пятую симфонию. На этот раз он говорил мало, подчеркивал места, где «судьба стучится в дверь», где завязывается борьба, представляя остальное моему восприятию.

Я находился под сильным впечатлением от этого рассказа, поэтому не помню, в какой момент я так слился с музыкой, что финальные аккорды симфонии вихрем закрутили мои чувства и по телу прокатилась дрожь...

По словам папы, у него были свои отношения с Пятой симфонией. Мой дед, папин отец, подарил ему на день рождения морской кортик и толстую книгу Романа Роллана «Жан-Кристоф». Папе тогда исполнилось семнадцать лет. Он заканчивал школу, а через месяц началась Великая Отечественная война. Дед, будучи военным, должен был уехать к месту дислокации дивизии, в которой служил. В день отъезда, пока моя бабушка собирала его в дорогу, а тетя, папина старшая сестра, готовила завтрак, дед достал пластинку и на всю громкость – чего никогда не делал – включил патефон. «Если угадаешь, кто сочинил эту вещь, получишь награду!» – торжественно заявил он сыну, снимая с руки часы. Знаменитый напев из начала второй

части Седьмой симфонии Бетховена вызвал у женщин в доме слезы. Они тихо плакали, продолжая заниматься своими делами. Дед, довольный тем, что его любимый музыкальный отрывок трогает и сердца других, ждал ответа. Его же сын, который увлекался планерами и все свободное время пропадал в клубе юных авиаконструкторов, не мог этого знать, поскольку впервые так целенаправленно слушал классическую музыку.

Отцовские часы он все же получил (теперь они на моей руке, только ремешок пришлось сменить), но с условием, что не поленился и обязательно прочтет до конца

«Жан-Кристофа». Дед добавил, что сын об этом не пожалеет, еще вспомнит его слова и они обсудят книгу, как только он вернется. Это была их последняя встреча.

Дед погиб под Вильнюсом осенью сорок второго. (Приблизительную дату гибели и подробности удалось установить только после окончания войны.) Сразу после его отъезда мой отец пошел в военкомат, чтобы записаться добровольцем на фронт, – так поступали многие его сверстники. Но ему отказали как несовершеннолетнему. Его это не остановило. Юноша решил сбежать на передовую и обдумывал план действий – ходил на вокзал узнавать расписание движения поездов, следил по радио за сводками новостей с полей сражений. Его целью было попасть в воинскую часть отца и, как он думал, стать ему там полезным. Точного адреса части у него не было, а в письмах говорилось о ее постоянных перемещениях. По штампам на конвертах можно было догадаться, что подразделение находилось где-то в районе

▲ Мой дед, Борис Александрович, перед войной

литовско-польской границы. Но требовалось уточнение. Еще он должен был успеть прочесть книгу, чтобы положить к себе отца на случай, если тот вздумает отправить его обратно домой. В предисловии к «Жан-Кристофу» было сказано, что это роман о некоем немецком композиторе по фамилии Крафт, прототипом которому стал Бетховен. Объем книги пугал (сам автор назвал роман рекой, то есть длинным, как река), да еще оказалось, что она не про авиацию. Первые страницы юноша прочел из любопытства – хотелось понять, чем же эта книга могла заинтересовать отца, военного офицера. Очень скоро и неожиданно для себя он проникся сочувствием к герою романа, Жан-Кристофу. История композитора щемила душу. Он втянулся в чтение и не расставался с книгой, сожалея, что когда-нибудь она закончится.

С этой книгой и небольшим рюкзачком юноша покинул дом и отправился на вокзал. В записке к матери он просил за него не беспокоиться, понять и простить. Бабушка мне потом рассказывала, какой шок испытала, узнав о его побеге, а также многое из того, что принесла война ее семье.

Из Москвы до Бреста папа добирался с пересадками несколько дней, в том числе и в товарных вагонах. На каждой станции возникали свои проблемы, приходилось просить, уговаривать проводников, иногда прятаться от них. Поезд, направлявшийся к литовской границе, был битком набит солдатами и гражданскими. В вагонах стояла жуткая духота, пахло потом, махоркой, на полках плацкарта отсвечивала пыль, в давке в проходах оттаптывали ноги, обрывали пуговицы. Но для молодого человека лишения и неудобства были всего лишь атрибутами романтики. К тому же он заряжался духом Жан-Кристофа, при каждом удобном случае перели-

▲ *Мой отец, Александр Борисович Айрапетян*

стывая страницы романа. Впереди открывался героический мир Бетховена, и юноша, проникшийся этим духом, пробивался через шумную толчею вагонов, ища местечко у окна, чтобы ничего не пропустить в мелковатом шрифте книги. В суматохе пересадок ему удалось занять место близ окна и почувствовать себя счастливым – ведь за любимым чтением он скоротает последний, такой изматывающий этап пути. Голод давал о себе знать бурлением в животе – из рюкзака высыпались остатки печенья, раскрошенного в толчее. Оставалось уткнуться в книгу и не смотреть на тех, кто выкладывал еду или уже жевал. Конечно, соседи угощали и его, делились всем, что у них было. Ну и подшучивали – иначе как «профессор» и «наш ученый» к нему не обращались, намекая на толстую книгу. Каждый старался подбодрить соседей, пока не услышали над собой рев бомбардировщиков и свист падающих бомб...

Поезд разбомбили так, что половина состава сошла с рельсов, а несколько вагонов были опрокинуты набок. Для юноши так и осталось загадкой, как его из того пекла выбросило в овраг вместе с другими уцелевшими. Он помнил только выбитые ударной волной оконные стекла, крики, стоны в горящем искореженном вагоне; люди бежали, спотыкались, падали. Немецкие снаряды рвались рядом. Землю

сотрясало, ее комья сыпались сверху вперемешку с камнями и травой. На пулеметные очереди пикирующих самолетов наши солдаты отвечали огнем из винтовок. Отцу запомнился раненый солдат, который дополз до края оврага и скатился к его ногам уже мертвым. Сосед по плацкарту, оказавшись в том же овраге, прикрикнул на «профессора», чтобы тот не высывался, прижался к земле и прикрыл голову своим фолиантом. Папа был удивлен,

обнаружив книгу в руке. Его пальцы так судорожно вцепились в твердый переплет, что она казалась продолжением его руки. В следующий миг он получил удар и потерял сознание.

Отца подобрали литовские крестьяне. У него оказалось два ранения – осколок снаряда попал в бедро и пуля прошла навывлет через носовую перегородку. Жители деревни нашли хирурга и выносили раненого. Когда он пришел в себя после операции, то чуть не заплакал, заметив у изголовья свою книгу – потрепанную, но чистую. Боль во всем теле, гематомы под глазами не позволяли ему читать. Он дотягивался до книги и по отдельным строчкам открывавшейся страницы восстанавливал в памяти прочитанные эпизоды.

Папа был прикован к постели в доме одной сердобольной семьи. Он восстанавливался медленно и тяжело. Ему пришлось на полгода задержаться в тех краях. (После войны, спустя годы, отец навестил своих спасителей вместе с моей мамой, а потом они стали приезжать к нам в гости – и в Москву, и в Армению.) Паулина, так звали хозяйку дома, часто заставляла спящего юношу в обнимку с книгой. От жалости к нему она упростила местную библиотекаршу Ильзу Урбонас, знавшую русский язык, приходить хотя бы ненадолго и читать раненому вслух. Ильза, женщина средних лет, начала с того места, где

немецкие бомбы прервали чтение романа о немецком композиторе. Библиотекарша заинтересовалась книгой, а когда отец засыпал, не спешила уходить и читала первые главы. По его просьбе она выписала из Вильнюса пластинку Пятой симфонии Бетховена, и, встав на ноги, дважды в день папа приходил в библиотеку ее послушать – рано утром и поздно вечером, чтобы никому там не мешать. Ильза оставляла ему ключи от комнаты, где стоял патефон. Иногда присоединялась сама.

Семнадцатилетний юноша довольно эмоционально разбирал при ней произведение Бетховена, приводил выдержки из «Жан-Кристофа» и соотносил их с услышанной музыкой. (Ильза любила вспоминать те вечера, когда позже гостила у нас.) Она также помогала папе писать послания домой и отправляла их по почте. К сожалению, ответных писем на его весточки, которые отец писал домой с разных фронтов и из разных стран, не было все пять лет. Откуда ему было знать, что при эвакуации жителей Москвы в октябре сорок первого мама с сестрой тоже попали под бомбежку и оказались в немецком лагере. И что Лена, его двадцатилетняя родная сестра, умерла в этом лагере от туберкулеза. Мать и сын нашли друг друга только через год после окончания войны. Все это время он очень переживал за маму и сестру, за где-то воевавшего отца, а сам еле выжил в оборонительных боях и в партизанских землянках.

В самые тяжелые минуты, когда наступала слабость от голода и холода, когда он, изнуренный в сырых от дождя окопах, ждал команды «*в бой!*», он черпал силы и вдохновение у Жан-Кристофа, прокручивая в голове целые отрывки из Пятой симфонии.

▲ Папа с фронтовыми друзьями

▲ Моя бабушка со мной и моей сестрой Еленой

▲ Мои мама и папа

Среди смерти, изуродованных тел и множества невзгод войны бетховенская музыка, звучащая в его ушах, была откровением, мгновениями счастья, наполнявшими его сердце желанием жить. Отдавая частицу себя Бетховену и Пятой симфонии, юноша приобретал стойкость, мужество, героическое начало, которые пронес через всю войну. Эти ангелы от музыки действительно охраняли его: он не только выжил, но и был награжден боевым орденом и медалями, в том числе за освобождение Чехии и Австрии от фашистов. Он ненавидел войну и не стал военным, но за человеческое достоинство сражался до конца своих дней. Так судьба стучалась в его дверь.

Папа прожил чуть больше восьмидесяти семи лет. Девять лет назад он покинул этот мир. Ничем серьезным

не болел. Врач, прикрепленный к нему как к фронтовику, констатировал его смерть непривычными для уха словами: «Он умер от старости».

Отец был издателем научно-популярных книг. Он был известен своей фонотеккой классической музыки и военных маршей, в которой можно было найти разные исполнения одного и того же произведения. К завтраку он заряжал пластинку и выходил к нам под бодрящий марш или воздушные увертюры, чаще это были отрывки из его любимых опер. Серьезные прослушивания проходили по вечерам. Когда звучал Бетховен, моя бабушка, светлая ей память (мне было двадцать три, когда она умерла), как правило, вспоминала своего супруга и рассказывала нам интересные эпизоды из доверенной совместной жизни, после чего уходила к себе в комнату спать. Мы оставались поговорить о жизни, музыке, вкусах и тенденциях современного искусства.

В горячих спорах моя незабвенная матушка всегда принимала сторону отца. И не оттого, что она разделяла все его взгляды, а чтобы он никогда и ни при каких обстоятельствах не чувствовал себя одиноким, даже в своих заблуждениях. Мама не забывала, что с юношеских лет он рос без отца, прошел трудный путь войны – ему время от времени снились кошмары, и он кричал во сне. Ей хотелось сгладить эту несправедливую жизненную коллизию, быть ему опорой, чтобы он жил в чистоте и уюте, а главное – в уверенности, что вторая половина его жизни пройдет счастливо. Она дольше, чем я или моя сестра, засиживалась в кабинете и вместе с папой допоздна слушала Бетховена и других композиторов. Мама ушла из жизни

за полтора года до отца. Папа сник, но старался по возможности не показывать нарастающую грусть. При ясном уме и на ногах он странным образом почувствовал приближение своего последнего дня и держался мужественно, как истинный стоик. С утра, едва прикоснувшись к еде, под военные марши он разбирал свой архив. Со второй половины дня папа лежал в кровати под любимым пледом моей мамы и в раздумьях заносил мысли в тетрадь. Музыка почти не было. Иглу с последней дорожки пластинки сняла моя сестра, обратив внимание на отсутствующий взгляд отца. Поздно вечером, для отвода подозрений у домочадцев, папа попросил забронировать ему на завтра билет в филармонию, сам поставил пластинку с детскими фортепианными вариациями Бетховена и вернулся в постель под мамин плед. На рассвете его не стало...

В тетради были расписаны несколько мелких поручений по дому, архиву, знакомым, а под конец – пожелание личного характера. Он просил меня выбить в углу надгробного поста-мента, общего с мамой, небольшую эпитафию собственного сочинения. Несвойственную ему сентиментальность (в тетради было написано ироничное «сенти-менты») папа оправдывал желанием отдать символический долг тем, кто долгие годы был ему опорой и вдохновением, к моему сведению, он пояснял: «В мгновениях счастья всегда находится миг, который может изменить судьбу...» Далее он желал мне не упустить свой миг счастья и дорожить минутами жизни. Папа попросил оформить слова на камне неброско, на мое усмотрение, может быть, даже на латинском, некрупным шрифтом, «...так, чтобы это было между нами». Я исполнил его пожелание, но с одной поправкой – сделал эпитафию общей. Ведь кроме мамы и папы, здесь покоится и моя бабушка, когда-нибудь наступит и

▲ Я с папой

▲ Папа со своим внуком Александром

мой черед. Одобрение папы я получил во сне. Накануне я перебирал домашнюю библиотеку и наткнулся на его любимый роман. Листая странички, вспоминал, какое неизгладимое впечатление он произвел и на меня: в одну из ночей мне приснился маленький Жан-Кристоф с фарфоровым ангелом в руках. И я со спокойной совестью поручил мастеру высечь на граните внутреннего бордюра папины слова: «Мы снова вместе – и снова будем слушать Бетховена».

Своего «ангела-хранителя» папа оставил мне в наследство. Не знаю, что будет потом, но, когда я шел домой, он с распахнутыми крыльями кружился надо мной, над Веной, парением освящал ночной город – город, в котором Бетховен прожил всю жизнь и где был погребен. Я поднял к небу глаза и услышал: «...миг счастья может изменить судьбу». Душа в ночи была объята пульсирующими звуками бессмертной музыки. С приливом возрождающихся сил я уже не прощался с дворцами и памятниками, когда шел по Опернрингу, а снова и снова восторгался их красотой и человеческим умением. Эти великолепные архитектурные ансамбли в отместку своему имперскому прошлому снова стали очагами культуры и духовных ценностей. Повезло, что никакая

пандемия, никакой коронавирус не в состоянии их заразить и разрушить. Этого достаточно, чтобы не беспокоиться о бесценных творениях, но подхлестнуть ими свою волю в схватке с судьбой.

Неизвестно, как долго продлятся это противостояние и виртуальное представление нашего достояния при пустых залах онлайн-режима. Выставленные произведения удивлены, почему перестали им аплодировать и

восхищаться ими, почему они больше не чувствуют нашего дыхания, хотя продолжают стараться для нас. Время еще есть. Надеюсь, до шестнадцатого декабря нам удастся схватить за глотку этот чертов вирус и отпраздновать день рождения Людвиг ван Бетховена на всех запланированных до эпидемии площадках. Соберемся на юбилейные торжества, без опаски пожмем друг другу руки, вместе утолим жажду живых чувств – будем искать в радости и мгновениях счастья тот миг, который утешит нас и после жизни...

У порога своего дома я задержался. Город спал, укрывшись темными облаками. Хотелось бы мне быть его вечным стражем, встречать его дивное пробуждение, наполняющее день музыкой со всего света... Какая жалость: история, задвинув в сторону намотанные века, сама пришла к Бетховену поздравить с юбилеем, но малость промахнулась... Интересно, каким образом судьба приносит свои извинения, когда ненароком ошибается? И ошибается ли вообще? Да, о чем только не подумаешь, на что только не понадеешься, когда так судьба стучится в дверь.

Борис Айрапетян – выпускник философского факультета, режиссер оперы и кино, сценарист, продюсер, композитор и художник

Вена – Москва,
апрель – май 2020 г.